

МАРК ШТЕЙНБЕК

можно, и за все, что они для нас делают, не говорить спасибо... Можно просто уйти, а на прощание сказать, что любовь прошла и надо быть честными друг перед другом. А под честностью мужчина понимает только свое право уйти... как правило, к другой женщине. И история в «Зимней вишне», мне кажется, передала все эти ощущения... Так вот эту музыку — главную лирическую тему — я сочинил с большим трудом. Пожалуй, больше месяца ушло на это. Она ходила где-то рядом со мной, но сделать ее никак не удавалось. Я вдруг понял, какие сильные стереотипы в нас живут и как их трудно преодолевать, ведь весь мой музыкальный багаж строился по традициям того времени, в том смысле, что лирика всегда была на втором месте. И это при том, что советская лирика — это не лирика. Она сродни советской женщине, которая всегда ходит по-мужски и первой подает руку.

— *Женщина, которую вы полюбили и выбрали в жены, очевидно, отличалась от такого типажа советской женщины?*

— Мой отец называл Олю ангелом. И до сих пор (а мы живем вместе уже 37 лет) она именно такое ощущение вызывает у людей. Это вовсе не значит, что у нее простой характер, но она человек очень чистый, очень чувствующий и очень эмоциональный. Мы поженились, когда мне был 31 год, а Оле 21. И тогда я был уверен, и сейчас не сомневаюсь в том, что она именно та женщина, которая мне необходима и будет необходима всегда. Понимаете, любовь — слово затертое. Оно сбивает с толку, потому что многие считают, что любовь — чувство проходящее. Я же убежден, что любовь — не спринтерская

дистанция, а стайерская, марафон, потому что это — большая, долгая работа. И абсолютное вранье, будто есть люди, созданные друг для друга. Этого нет. Существует только большое желание сделать так, чтобы непритертости, разногласия, которые обязательно возникают в отношениях двух людей, были преодолены.

— *Так где же вы повстречали девушку, с которой решили вступить на марафонскую дистанцию?*

— После окончания Института имени Гнесиных мне предложили преподавать там же анализ музыкальных произведений. С первого же занятия я заметил очень милую девушку, скрипачку, и вскоре почувствовал, что все сильнее и сильнее в меня вселяется мысль о том, что мне хочется ее видеть постоянно. Но сделать ей предложение я решил не сразу, а только после того, как она сдала экзамен. У меня в то время была сложная личная ситуация. Мой мимолетный роман со студенткой того же, кстати, института закончился беременностью этой девушки. Поскольку она хотела сохранить ребенка, мы расписались — нужно же, чтобы у ребенка существовал отец. Родилась девочка, но мама довольно быстро увезла ее в Америку. Тот брак продолжался где-то порядка года. Оле я тогда, конечно, все честно рассказал и объяснил, что собираюсь оформить развод, но она мне отказала. И согласилась на нашу женитьбу только с третьего раза. Я не считал Олю своей второй женой, потому что с официальной первой у нас ни одного дня совместной жизни не было. Я понимаю, что в то время Оле непросто было принять свое решение, и наша с ней жизнь склады-

валась тоже нелегко — у нас не было ни жилья, ни денег, мы все зарабатывали сами и ни от кого ничего не получали.

— *Такую самостоятельность вам привили родители?*

— Мама меня воспитывала практически одна. Отца репрессировали, слава богу, не в 37-м, а в 38-м году, когда мне было 4 года. Тогда волна репрессий пошла на убыль и ему дали минимум — 5 лет. Но все равно в общей сложности он просидел 18 лет — всем уцелевшим давали новые сроки. Потом отца реабилитировали. По образованию он был историк, из дворян — мой дед был предводителем дворянства в Тамбовской губернии. А отец, как это часто бывало в то время, ушел из семьи по идейным соображениям. Отец был человек высококультурный, владел поразительным русским языком. Какие он писал письма! Думаю, что такое умение излагать свои мысли уже умерло, мы лишились того настоящего пушкинско-чеховского языка. Но мне повезло, я его осваивал по письмам отца и в те немногие моменты общения с ним, когда мы ездили к нему в Воркуту, где он был в ссылке, и в Ижевск, где он какое-то время жил на поселении... Короче говоря, моя мама осталась одна, со мной на руках. Работала машинисткой, и, конечно, жили мы очень бедно. Мама была невероятно волевым человеком. Она дожила до 97 лет, обладая прекрасной памятью, к сожалению, недавно мы ее похоронили. Конечно, и меня, и отца вытянула мама. Он вернулся из лагерей совершенно больной, с изуродованными ногами — работал там в каком-то леспромхозе, и бревно упало ему на ногу. Он очень плохо ходил, и мама его выхаживала.

— *Перед сверстниками скрывали факт ареста отца?*

— У меня до сих пор остаются школьные друзья, с которыми я подружился в 5-м классе, и, слава богу, с ними у меня проблем никогда не было. Проблемы были в другом — я никогда не вступал в комсомол и уж тем более в партию. Это я отрезал от себя твердо и довольно-таки рано — после того, как в 49-м году, в 15 лет, пережил в нашей квартире обыск в связи с очередным арестом отца. Мне стало совершенно ясно, что в эту сторону я не пойду никогда.

— *А как вы пошли в сторону музыки?*

— Неожиданно для всех и для самого себя. Я ведь после школы поступил в Институт тонкой химической технологии, окончил его, после чего в течение шести лет работал инженером-химиком, причем не в каком-то НИИ, а на заводе — в цеху. И тяги к музыке у меня никакой не было до той поры, пока наши соседи по коммунальной квартире не решили выдать замуж дочь. Места для супружеского ложа молодоженов в их комнате не было, и они поставили свое пианино к нам. Вот этот факт, собственно, и вызвал такой невероятный катаклизм в моей судьбе — я стал сочинять музыку. Мне тогда было лет двадцать. Когда-то в детстве я в течение нескольких месяцев ходил в музыкальную школу. Ничего серьезного там не получилось, но ноты запомнились. И, как выяснилось, стоило только инструменту перекочевать в мою

комнату, у меня оказалась масса каких-то музыкальных впечатлений, которые я тут же стал записывать. В результате чуть было не вылетел с 3-го курса института — я месяц не появлялся, и меня стали отчислять. Только благодаря тому, что отец, только вернувшийся после реабилитации, пошел к ректору и уговорил его, мне разрешили сдать экзамены, хотя и устроили серьезную проработку. Мне пришлось умерить свои музыкальные порывы, и я нормально окончил институт. А на втором году моей работы на заводе мне вдруг сообщили о существовании некоего странного заведения — семинара самодельных композиторов. Я тут же поступил туда и попал к двум лучшим учителям: молодому композитору Николаю Каретникову и уникальному человеку — Филиппу Моисеевичу Гершковичу — венскому еврей, бежавшему от фашизма. Это был феноменальный музыкант, развернувший на себя всю нашу композиторскую молодежь — у него занимались Шнитке, Денисов, Губайдулина... В общем, после наших занятий Каретников пришел к моему отцу и сказал, что понимает, как сложно принять такое решение, но он берет на себя ответственность сказать, что мне необходимо продолжать композиторское образование. Хотя я тогда уже был старшим инженером, и карьера моя складывалась успешно, отец все воспринял правильно... В Консерватории меня резко завалили на истории СССР — там были свои, блатные дела, а в Гнесинском институте все оказалось попроще — я набрал 24 балла из 25 возможных и поступил. Мне предложили педагога на выбор, я выбрал Арама Ильича Хачатуряна (его учениками, кстати, были Таривердиев, Рыбников, Минков...) и никогда об этом не пожалел.

— *Ваша дочь, выросшая в семье музыкантов, тоже занимается музыкой?*

— Дочку тоже зовут Оля. Оли у меня две — большая и маленькая. Так вот Оля маленькая — очень серьезный человек. Класа с 5-го она твердо хотела быть детским врачом. В 8-м, чтобы заработать стаж, уже работала в регистратуре в поликлинике. После окончания медицинского института выбрала себе очень сложную специальность — детский психоневролог, работает в Институте педиатрии. Защитила кандидатскую диссертацию на тему «Рассеянный склероз у детей», сейчас пишет докторскую. Вышла замуж, ее муж — Андрей — специалист по проблемам управления, очень хороший человек. Они подарили нам двоих замечательных внуков. Я горжусь Олей и считаю, что она проявляет колоссальный характер и мужество. Особенно если учесть ту нагрузку, которую она несет, работая в своем федеральном институте сутками, на разрыв, в условиях очень низкой оплаты труда. Говоря без всякого пафоса, я думаю, что Оля по-настоящему относится к людям, на которых держится страна. Ведь дочка из тех, кто что-то созидает. Слава богу, что есть такие дети. Это вселяет некоторую надежду и оптимизм. Хотя, говоря по правде, я убежден, что оптимизм и пессимизм — это две формы глупости, только тянущие в разные стороны.

Татьяна ЗАЙЦЕВА